

Владимир Степаненко



Филип Фокс

Убийство в Сайлент-Холле

Владимир Степаненко

**Филип Фокс. Убийство
в Сайлент-Холле**

«Автор»

2026

Степаненко В. В.

Филип Фокс. Убийство в Сайлент-Холле / В. В. Степаненко —
«Автор», 2026

Филип Фокс — богатый бездельник, бросивший Оксфорд, без цели в жизни. Однажды ночью в переулке на его глазах убивают друга. Полиции плевать. Филип сам находит убийцу. И убивает. После этой ночи он становится другим: отныне его делом становятся расследования. Денег он не берёт. Это не работа. Это искупление. Осень 1910 года. Оливер Мур, старый друг Филипа, зовёт его в семейное поместье Сайлент-Холл. Его дядя, сэр Ричард Мур, найден мёртвым в своём кабинете. Официальная версия — сердце. Но Оливер уверен, что это не так. В доме, пропитанном ложью, каждый что-то скрывает. Вдова слишком спокойна. Брат очень напуган. Горничная совсем незаметна, а дворецкий до жути правильный. Филип начинает копать и находит тайны двадцатилетней давности. Но в этом деле всё не так просто, как кажется. Классический британский детектив. Первая книга цикла.

© Степаненко В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Филип Фокс. Убийство в Сайлент-Холле

Пролог

Филип не собирался быть сыщиком. Он вообще не собирался никем быть — слишком мало денег и никакого смысла. Оксфорд он бросил на втором курсе, через полгода после смерти отца. Мать к тому времени уже не вставала с постели. Денег было достаточно, чтобы не работать, и достаточно, чтобы сойти с ума от безделья.

В Париж он уехал потому, что в Лондоне задыхался. Снял квартиру в Латинском квартале, нашёл знакомых среди таких же бездельников с туманным будущим и туго набитыми карманами. Пил, играл в карты, волочился за женщинами. Жил легко, пусто, без обязательств.

Друг, с которым они вместе снимали квартиру, был единственным, кто его понимал. Такой же богатый мальчик, только с французским акцентом и любовью к опасным спорам. Они вместе проигрывали деньги, наживали врагов, смеялись над теми, кто строил карьеру и копил на будущее. Будущее казалось им слишком далёким, чтобы о нём думать. Но однажды ночью оно пришло само.

Они вышли из таверны на рю де ла Юшетт. Филип был пьян, друг — трезвее, подталкивал его в спину. В переулке было темно. Человек с ножом вышел из ниоткуда. Филип не успел ничего — ни понять, ни пошевелиться. Друг шагнул вперёд, заслоняя его собой. Удар пришёлся в грудь.

Он умер на руках у Филипа. Кровь текла между пальцев — горячая, липкая. Филип не мог её остановить. Так и просидел в переулке с телом друга до рассвета.

Полиция приехала к восьми утра. Двое в мятой форме, сонные, равнодушные. Посмотрели, записали, переглянулись. Ограбление, грабитель скрылся. В Париже таких смертей случалось десятков в месяц. Никто не собирался искать.

Филип начал искать сам.

Три недели ходил по кабакам Латинского квартала. Разговаривал с сутенёрами и проститутками, поил барменов, торговался с ворами. Спал урывками, на чужих диванах, в грязных гостиницах, иногда — просто на улице.

Он нашёл его в портовом баре, через три недели и четыре дня. Пьяного, грязного, с ножом за голенищем.

Филип сел напротив. Заказал две порции коньяка. Смотрел в лицо человека, который убил его друга. Слушал, как тот хвастается лёгкой добычей в ту ночь. Убийца не узнал его — много пьяных англичан бродило по Парижу.

Они вышли вместе. Филип проводил его до пустынной набережной. Там он вытащил нож из-за голенища убийцы и с хирургической точностью всадил ему в грудь. Один удар. Точно в сердце.

Человек упал. Филип стоял над ним, смотрел, как кровь растекается по камням. Потом вытер лезвие о пальто убийцы и бросил в Сену.

Тело нашли утром. Полиция списала на разборки портовых бандитов.

Филип вернулся в квартиру, собрал вещи и уехал из Парижа на первом же поезде.

Он понял две вещи. Первая: убийство не вернуло друга. Вторая: оно вернуло его самого. Тот Филип, который пил и играл в карты и смеялся над будущим, остался лежать в парижском переулке. Новый знал, что правосудие — это не когда убивают убийцу. Правосудие — когда никто не может избежать ответа.

Он поклялся, что больше никогда не возьмёт чужую жизнь. Что будет делать так, чтобы убийцы сидели в тюрьме и смотрели в прошлое, вспоминая своих жертв. Что правда должна быть публичной, явной, неоспоримой и никто не мог сделать вид, что ничего не случилось.

В Лондон он вернулся другим человеком.

Он не берёт денег за расследования. Не потому, что богат — просто это не работа. Это его способ искупить то, что он сделал, и оправдать то, что остался жив.

Живёт тихо. Снимает квартиру на Мейфэр, держит одного слугу — Барнса. У него есть Кларисса, которая появилась несколько лет назад и почему-то его терпит. Есть Оливер, с которым они вместе учились в Оксфорде. Им он верит. Остальных просто слышит.

ГЛАВА 1

Ночь с 17 на 18 ноября 1910 года.

Луны не было. Туман за окнами стоял плотный, как вата, — не разглядеть даже ближайших деревьев. Коридор второго этажа тонул в черноте, только одна газовая лампа у лестницы горела тусклым жёлтым светом.

Босые ноги бесшумно ступали по деревянному полу. Человек шёл медленно, но уверенно — каждый шаг выверен, каждый вздох под контролем.

Дверь в кабинет была не заперта. Человек толкнул её — она подалась беззвучно.

Внутри горела одна свеча на столе. Сэр Ричард сидел в кресле у камина. Он держал в руке бокал с виски и смотрел на огонь. Очки на переносице. Рядом, на столике, стоял графин. На четверть пустой.

Человек шагнул в комнату. Ричард не обернулся — только спросил хриплым голосом:

— Ты? Уже поздно.

— Не спится, — ответил вошедший. Голос был тихим, спокойным.

Человек подошёл к столику. Рука в тёмном рукаве скользнула к графину, а в другой, зажатой между пальцами, прятался маленький пузырёк из тёмного стекла.

Ричард поднёс бокал к губам, сделал глоток. Не глядя на гостя.

Пробка открылась без звука. Белый порошок посыпался в графин — тонкая струйка упала на тёмную жидкость, растворилась почти мгновенно.

— Принести ещё? — спросил человек, кивнув на почти пустой бокал.

Ричард протянул бокал, не оборачиваясь. Человек взял его, налил из графина, вернул на место.

— Оставь, — сказал Ричард. — Я сам.

Человек отступил к двери. Смотрел, как старик подносит бокал к губам. Как делает глоток. Второй.

Ричард не ответил на прощание.

Человек вышел в коридор. Закрыв за собой дверь.

Где-то внизу часы пробили полночь.

Пятница, 18 ноября 1910 года.

Сайлент-Холл, графство Суррей.

Утро.

За окном ещё была чернота, когда Джеймс открыл глаза.

Он лежал неподвижно секунду, другую, привыкая к темноте своей каморки. Чувствовал запах старого дерева и мыла, который основательно въелся в эти стены за тридцать лет. Где-то наверху скрипнула половица. Дом просыпался.

Было пять сорок пять. Он знал это, даже не глядя на часы. Тело само поднимало его в одно и то же время триста шестьдесят пять дней в году, включая Рождество, когда хозяева уезжали в Лондон и можно было бы поспать подольше, но организм уже разучился.

Джеймс сел на узкой кровати. Ступни нашли стоптанные домашние туфли — кожа была холодной и жёсткой. Он надел брюки, застегнул жилетку, набросил сюртук. Всё делал наощупь, без свечи — каждый предмет лежал на своём месте уже много лет. Запонки в манжетах были серебряными, простыми, без фамильного вензеля — такие положены дворецкому, чтобы не путать с господскими.

На цокольном этаже тянуло углём, медью и едой. Где-то в глубине уже слышался стук — Хью возился на кухне. У этого человека не было чувства меры: он гремел кастрюлями так, будто варил обед на тысячу человек, а не на четверых господ и полдюжины прислуги.

Джеймс прошёл мимо кладовых и прачечной, где в темноте смутно угадывались горы несвежего белья, и вошёл на кухню.

Хью стоял у плиты. Огромный, красномордый, в засаленном фартуке поверх сорочки с закатанными рукавами. На столе перед ним лежала гора овощей, и он методично, с какой-то даже злостью, рубил морковь. Нож стучал по доске часто и сердито.

— Доброе утро, — сказал Джеймс.

Хью обернулся. Кивнул коротко. Снова посмотрел в окно, хотя там была только тьма и отражение собственной кухни.

— Опять погода меняется, — произнёс он. Не поздоровался, не спросил, как спалось. Просто констатировал. — У старика ноги скрутит.

Он говорил «старик» не из неуважения. Или из уважения — Джеймс никогда не мог понять. Хью проработал здесь десять лет и десять лет не скрывал, что считал это место падением. Он пришёл из «Гранд-отеля» в Лондоне, где подавал самому принцу Уэльскому, а здесь вынужден был варить овсянку для семейства, которое и близко не стояло с королевской фамилией.

— Сэр Ричард ещё не спускался, — ответил Джеймс ровно.

Хью хмыкнул. Морковь полетела в кастрюлю.

Джеймс прошёл к буфету, где уже стоял готовый поднос. Фарфоровый чайник — белый, с синей каёмкой, тяжёлый. Чашка в тон. Сахарница, молочник, серебряная ложечка с фамильным вензелем Муров. Два печенья на маленькой тарелке — сэр Ричард любил сладкое по утрам, хотя доктор запрещал.

Дворецкий зажёл свечу под колпаком — в коридорах было ещё темно, а нести горящую свечу по лестнице с подносом в руках он умел, но лучше было подстраховаться. Он взял поднос и вышел.

Лестница для прислуги была узкой, крутой и отполированной временем. Ступени истёрлись за тридцать лет — посередине каждой образовалась ложбинка, куда ступала не одна пара ног. Джеймс поднимался медленно, ровно держа поднос. Свеча дрожала, но не гасла.

На первом этаже было тихо.

Здесь воздух был насыщен запахом воска, дерева, дорогих сигар, которые выкурили вчера в гостиной и запах которых ещё не выветрился. Джеймс прошёл мимо портретов — предки Муров смотрели на него с полотен тяжёлыми, масляными глазами. Он их не замечал. Тридцать лет.

Парадная лестница на второй этаж была шире, светлее. Перила блестели — вчера Мэри натирала их три часа, пока Джеймс проверял, не осталось ли разводов. Она была старательная, Мэри. Тихая. Слишком тихая для девушки её лет, но Джеймс не лез в чужие души.

На втором этаже, кабинет сэра Ричарда находился в конце коридора, налево. Джеймс шёл, считая шаги по привычке. Двадцать три до поворота. Ещё десять до двери.

Дверь была приоткрыта.

Джеймс смотрел на неё несколько секунд. Сэр Ричард никогда не оставлял дверь открытой. Никогда. Он требовал стучать и ждать ответа, даже если это был Джеймс, который служил этому дому тридцать лет, который помнил его мальчишкой. «Порядок есть порядок», — говаривал сэр Ричард. И порядок этот означал закрытую дверь.

А сейчас она была приоткрыта. На полтора дюйма. Щель, в которую был виден край камина.

Он подошёл ближе. Поднос в руках не дрожал — Джеймс был профессионалом. Он толкнул дверь кончиком ботинка, осторожно, чтобы не расплескать чай.

Дверь открылась без звука — петли были смазаны, это Джеймс проверял их лично раз в месяц.

Камин потух несколько часов назад — угли лежали серые, мёртвые. Запах сигарного дыма смешался с чем-то ещё, горьковатым, незнакомым. Шторы были задёрнуты неплотно — серая полоса рассвета пробивалась сквозь щель и ложилась на ковёр.

Сэр Ричард сидел в высоком кожаном кресле у камина.

Голова его была запрокинута назад, глаза открыты и смотрели в потолок. Рот приоткрыт, будто он хотел что-то сказать и не успел. Руки лежали на подлокотниках — тяжёлые, неподвижные.

Джеймс замер на пороге.

Странно — он чувствовал, как сердце колотилось будто сумасшедшее, но руки держали поднос ровно, как учили. Много лет выучки.

Джеймс сделал шаг в комнату. Ещё один. Поставил поднос на маленький столик у двери — аккуратно, чтобы не звякнуть фарфором. Медленно подошёл к креслу.

Прикоснувшись к руке сэра Ричарда, он почувствовал холод. Пальцы не гнулись — окоченение уже наступило. Пульса на шее тоже не было.

Джеймс выпрямился. Посмотрел на мёртвого хозяина.

На столике рядом с креслом стояли пустой бокал и графин с виски. Джеймс посмотрел на уровень жидкости. Графин был полон вчера вечером, когда он подавал его в кабинет. Сейчас он был пуст на четверть.

Очки валялись на полу. Рядом с креслом. Без них сэр Ричард был почти слеп — дальнорзоркость, читал только в очках. Почему они оказались на полу? Упали?

Джеймс обвёл взглядом комнату. Поза была неестественной — словно он дёрнулся во сне или от боли. Но лицо оставалось спокойным. Если и были мучения, они уже прошли.

Он посмотрел на ковёр у ножки кресла.

Там что-то блестело.

Маленькое. Серебряное.

Джеймс наклонился и поднял. Это оказалась запонка. Он повертел её в пальцах — серебро, тёмно-синий камень, простая мужская оправка. Не фамильная. У сэра Ричарда таких не было. У Артура и Оливера тем более.

Мысль мелькнула и погасла: чужая запонка в кабинете хозяина в ночь его смерти.

Джеймс не знал, что это значит. Но столько лет в этом доме научили его одному: порядок важен, но важнее любое отклонение от него.

Он сжал запонку в кулаке. Посмотрел на мёртвого хозяина. Потом на дверь. Потом снова на запонку.

Будучи профессионалом, он знал: к месту преступления нельзя прикасаться. Если это было преступление. Если нет, — тем более недопустимо, чтобы вещи пропадали.

Но он уже прикоснулся. И запонка была в его руке.

Спрятав её в карман жилета, глубоко, на самое дно, окинул комнату взглядом в последний раз — запомнил, где что лежало, хотя сам не знал зачем. Повернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Коридор был пуст. Джеймс пошёл к комнате Артура — она находилась в другом конце этажа, направо, третья дверь.

Постучал. Тишина. Постучал ещё раз, сильнее.

За дверью послышались возня, шаркающие шаги, невнятное бормотание. Дверь открылась.

Артур Мур стоял на пороге в халате — тёмно-бордовом, шёлковом, с потёртыми локтями.

Джеймс смотрел на Артура спокойно, ожидая, что тот начнёт первым.

Его седые волосы торчали в разные стороны, глаза красные, будто он не спал или пил. Или и то, и другое.

— Джеймс, какого черта? — голос его был хриплым, злым. — Ещё семи нет.

— Мистер Артур, — Джеймс говорил ровно, спокойно, как всегда. — Прошу вас пройти со мной. Сэр Ричард... Ему плохо.

Артур посмотрел на него несколько секунд. Потом потёр лицо ладонью.

— Опять сердце? — в голосе его слышалась досада, а не тревога. — Вызвали доктора?

— Доктор уже не нужен, сэр. Прошу вас.

Артур застыл. Смотрел на Джеймса долго, очень долго. Что-то в его лице менялось — может, до него наконец дошло.

— Иду, — сказал он коротко. — Подожди.

Артур закрыл дверь. Джеймс стоял в коридоре, смотрел на часы над лестницей. Было семь минут седьмого. Странно, как много могло случиться до завтрака.

Артур вышел через минуту — халат был завязан кое-как, волосы приглажены рукой. Он шёл быстро, Джеймс едва поспевал за ним.

— Вечно он перерабатывает, — бормотал Артур на ходу. — Я говорил ему: «Ричард, ты уже не молод, побереги себя». Он же не слушал. Упрямый, как...

Он не договорил. Они подошли к кабинету.

Джеймс открыл дверь. Отступил, пропуская Артура вперёд.

Тот вошёл. Сделал два шага. Замер.

Смотрел на брата в кресле долго, очень долго. Джеймс видел его спину — халат натянулся, руки висели вдоль тела.

— Ричард? — голос его был тихим, почти шёпотом. — Ричард, вставай... Это что за комедия?

Он подошёл ближе. Тронул плечо. И замер. Рука его так и осталась лежать на плече брата, будто приросла. Потом — медленно, будто через силу — отнял её и сделал шаг назад. Спина упёрлась в книжный шкаф. Книги вздрогнули.

— Боже... — выдохнул Артур. — Боже мой.

Артур стоял, прижавшись к шкафу, и смотрел на брата. Лицо его было белым, руки дрожали.

— Сердечный приступ, — произнёс он, будто убеждая себя. — Сердечный приступ. Надо звонить... в полицию... доктору...

Джеймс молчал. Стоял у двери, сложив руки перед собой, как учили. Ждал.

Артур сделал шаг к выходу, потом остановился. Посмотрел на Джеймса.

— Что? — спросил он хрипло.

Джеймс выдержал паузу. Ровно столько, сколько нужно, чтобы слова легли правильно.

— Простите, сэр. Но прежде чем звонить в полицию... быть может, вы посоветуетесь с адвокатом? Учитывая... обстоятельства.

Артур застыл глядя на Джеймса. В глазах его сначала появилось непонимание, потом — страх. Липкий, узнаваемый страх человека, который вдруг понял, что всё пошло не по плану.

— Какие обстоятельства? — голос его сел почти до шёпота.

Джеймс молчал. Смотрел прямо перед собой, на стену за плечом Артура.

Артур сглотнул. Раз. Другой.

Потом медленно кивнул, будто сам себе.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Жди здесь. Никому ничего не говори. Дверь запри. Я... я сейчас.

Он вышел, шатаясь, держась за стены. Джеймс слышал его шаги — сначала к лестнице, потом на третий этаж, где находилась комната Элеоноры.

Он запер дверь кабинета ключом, который всегда висел в коридоре на специальном крючке. Ключ был тяжёлым, массивным. Джеймс спрятал его в карман.

Спустился вниз. Встал в холле у лестницы и ждал.

За окном всё так же было серо — ни деревьев, ни неба, только белесая пелена.
Послышались шаги со стороны кухни.

Это была Мэри.

Она шла быстро, но не бежала — служанка не должна бегать по дому, это дурной тон. Джеймс учил её сам. Светлые волосы были убраны под чепец идеально — ни одного выбившегося локона. Платье серое, простое, накрахмаленное до хруста. Лицо бледное, но спокойное. Спокойное для девушки, которая ещё не знала, что хозяин мёртв.

— Мистер Джеймс? — остановилась она в двух шагах, руки сложила перед собой, как положено. — Завтрак подавать? Сэр Ричард обычно ворчит, если...

— Завтрак откладывается, — перебил Джеймс. — Подожди распоряжений.

Мэри секунду смотрела на него — внимательно, цепко, не по-служански. Потом опустила глаза.

— Хорошо, сэр.

Повернулась и ушла так же быстро, как появилась.

Джеймс смотрел ей вслед. Что-то в её лице... Не страх. Не удивление. Настороженность. Будто она ждала чего-то такого. Или боялась.

Он перевёл взгляд на лестницу, ведущую на третий этаж. Там сейчас Артур говорил Элеоноре, что её муж мёртв. Интересно, как она приняла эту новость.

Джеймс стоял в холле и ждал, когда начнётся новый день. Хотя день уже начался. И этот день должен был стать очень длинным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.